АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА 29.09.2020 | Сергей Маркедонов

На пороге большой войны?

Значение военной силы в процессе карабахского урегулирования нарастает с каждым днем. Дефицит переговоров становится критическим.

В Азербайджане и Армении уже давно не утруждают себя лишней политкорректностью и называют линию соприкосновения их сил в Нагорном Карабахе линией фронта. Однако нынешнее военное обострение там выходит далеко за рамки привычного. Информационные сообщения говорят о сбитых вертолетах, беспилотниках, ракетных ударах.

Такой стремительной эскалации военных действий там не было с апреля 2016 года. Достаточно сказать, что и в Азербайджане, и в Армении, и в непризнанной Нагорно-Карабахской республике объявлено военное положение, чего не было четыре года назад. Не обстреливали тогда и Степанакерт.

Тем не менее нынешние события трудно назвать полной неожиданностью. После обострения в июле, которое, вопреки обыкновению, произошло не на линии соприкосновения, а на армяно-азербайджанской границе, осталось ощущение, что вооруженное противостояние просто поставлено на паузу.

«Карабахский маятник», когда военные эскалации сменяются раундами переговоров, на этот раз как будто дал сбой. В отличие от четырехдневной войны в апреле 2016 года, когда уже на пятый день обострения ситуацию начали активно возвращать в дипломатическое поле, этим летом такого не произошло.

Конечно, можно вспомнить активность прежде всего российской дипломатии, направленную на то, чтобы минимизировать риски от военной тревоги на границе. Были задействованы контакты и по традиционной линии МИДа, и каналы Минобороны. Усилия России получили фактическую поддержку со стороны Запада, и даже обе стороны конфликта восприняли посредничество Москвы в целом позитивно.

У нынешней масштабной эскалации есть и другие особенности, например, усиление турецкой активности

Однако возобновления армяно-азербайджанских переговоров хотя бы на символическом уровне так и не произошло. Ссылки на коронавирус звучали не слишком убедительно – в те же дни пандемия не мешала другим зарубежным контактам представителей Азербайджана и Армении. Хотя вряд ли их можно было рассматривать как усилия по возобновлению переговоров.

У нынешней масштабной эскалации есть и другие особенности. Например, усиление турецкой активности. Вскоре после июльских столкновений на границе прошли совместные учения вооруженных сил Азербайджана и Турции. Представители Анкары стали активно высказываться о неэффективности мирного процесса, а турецкий президент Эрдоган, выступая на 75-й Генассамблее ООН, и вовсе назвал Армению главным препятствием для долгосрочного мира на Южном Кавказе. Это еще не означает, что новую эскалацию спровоцировала Турция, но свой вклад в ужесточение позиции Азербайджана на фоне застоя в переговорах она определенно внесла.

Изменения в дипломатической линии Баку действительно оказались значительными. Во время июльской эскалации на границе ушел в отставку многолетний глава азербайджанского МИД Эльмар Мамедьяров. На смену ему пришел бывший министр образования Джейхун Байрамов, не имеющий значительного дипломатического опыта. Также усилилась аппаратная роль помощника Ильхама Алиева по внешнеполитическим вопросам Хикмета Гаджиева.

Однако дело тут не столько в новых назначениях, сколько в уходе Мамедьярова. В последние два года он был главным оптимистом относительно того, на какие уступки готово пойти новое армянское правительство Никола Пашиняна. После того как власть в Армении сменилась в ходе бархатной революции 2018 года, в Баку появились надежды, что новый премьер Пашинян, не связанный с Карабахом и враждующий с «карабахским кланом» (существует ли он в реальности – отдельный вопрос), может найти какую-то новую линию в урегулировании многолетнего конфликта.

Справедливости ради, такие надежды появились не только у Мамедьярова – их разделяли многие влиятельные эксперты и дипломаты на Западе. И даже внутри самой Армении оппоненты Пашиняна пытались прилепить ему ярлык «предателя национальных интересов за соросовские деньги».

Азербайджанскую сторону категорически не устраивает существующий статус-кво, где она чувствует себя проигравшей. Баку никогда не исключал, что может попробовать решить проблему территориальной целостности и военным путем.

Однако в действительности новый глава армянского правительства занял во многом еще более жесткую позицию по Карабаху. Чего стоят, например, его требования, чтобы представители непризнанной Нагорно-Карабахской республики напрямую участвовали в переговорах. Или его громкое заявление, что «Карабах – это Армения».

Такие действия не могли привести ни к чему, кроме укрепления позиций ястребов в Баку. После июльских столкновений на границе внешнеполитическая линия Азербайджана стала жестче. Тем более что азербайджанскую сторону категорически не устраивает существующий статус-кво, где она чувствует себя проигравшей. Баку никогда не исключал, что может попробовать решить проблему территориальной целостности и военным путем.

Нынешняя эскалация – это прямое следствие замораживания полноценного переговорного процесса. В армяно-азербайджанском конфликте не было таких коротких перерывов между масштабными военными обострениями. Даже четырехдневной войне 2016 года предшествовало почти четыре месяца затишья. Сейчас мы видим два пика противостояния: один на границе в 300 км от линии соприкосновения, второй – в самом Нагорном Карабахе.

Дальше сценариев может быть несколько. Самый вероятный – это борьба за небольшие и не особо важные участки, чтобы можно было символически обозначить свою «победу» и создать благоприятный общественный фон. Но такая стратегия выглядит безупречно только в теории, а на практике, поднимая планку конфликта, бывает очень трудно остановиться там, где хочется. У оппонента на этот счет может быть совсем другое мнение, и тогда новый виток противостояния неизбежен.

Впрочем, нельзя исключать, что эскалация – это часть подготовки к

В любом случае, какая бы логика ни стояла за военным обострением, очевидно одно: значение фактора военной силы в процессе карабахского урегулирования нарастает с каждым днем. Дефицит переговоров

переговорам, которая нужна, чтобы подкрепить дипломатические позиции силовым ресурсом и начать диалог с жесткого давления на оппонента.

становится критическим. Если не исправить карабахский маятник в ближайшее время и не перевести его от военной к дипломатической точке (пускай и с возможным движением обратно после), он может окончательно сломаться. И тогда перспектива возобновления еще одной региональной войны перестанет быть предметом одних лишь сценарных разработок экспертов.

Данная статья впервые вышла на сайте Carnegie.ru и публикуется с разрешения правообладателя.

Сергей Маркедонов
Москва

Сергей Маркедонов (Sergei Markedonov) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО.